

Данила ДАВЫДОВ

Данила Давыдов родился в 1977 году в Москве. Окончил Литературный институт, кандидат филологических наук. Автор десяти книг стихов, двух книг прозы, книги статей и рецензий. Переведен на основные европейские языки. Многочисленные публикации в толстых и тонких журналах, альманахах и сборниках. Лауреат Премии Андрея Белого (2023). Живет в Москве.

как удивился помощный зверок,
когда исполнил ты зарок.
ну, говорит, даешь, ну, в самом деле
теперь уж всяко надобного того,
а сам глядит куда-то мимо цели,
указанной задолго до всего

сесть в сороковой автобус
смысл не велик,
а покинуть этот глобус
совесть не велит.

те, кого оставишь, если —
вспомнят кое-что.
хоть давно неинтересно,
есть резон зато.

хуже нет на остановке,
если не считать
неумеренной сноровки,
правды сгоряча,

силы сладостной привычки,
трещины внутри,
извлечения отмычки...
вот и шесть три три

эпические песнопевцы,
живущие на высокой горе,
строго используют эпические формулы,
понятные только жителям данного уровня.

если подняться или спуститься —
песня твоя обесмыслится,
эпические формулы останутся непонятными.

ты припилен навеки

во сколько там начинает движение метрополитен имени ленина, зависит от станции, а то, что отразилось в стекле дверей, которые открываются автоматически, лучше б развидеть, но теперь не позволяют очки.

школьником удивлялся предисловию перельмутера к воспоминаниям о будущем, как это? прекратить, буквы забыть, сам-то по двадцать штук писал до утра, теперь-то и у самого вот оно где сидит.

ты не едь никуда состав из-под окон моих, где всё то же метродепо. столько лет надо было взлелеивать кокон, а вышло, что думать-то надо было совсем о другом.

да может оно и думалось себе не спеша, нешумно, ненастоятельно, расслабленно дыша, ничего теперь не попишешь, разве на заказ, да и то не прямо сейчас.

пазолини пишет
про германа титова
ничего не вышло
значит будет снова

тут бы и закашляться
словно костантайн
знамена полощутся
мир исполнен тайн

фортинбрас, и офелия, и горацио,
и розенкранц с гильденстерном,
и даже могильщики, даже бедный йорик,
всех их вспомнили и переосмыслили,
дали вторую жизнь.

но как же озрик?

несчастный озрик, я с тобой,
давай-ка продолжу твою узкофункциональную роль,

принесу двусмысленные вести

в большой стремительной машине
вот едет некто неспеша,
однако не достигнет цели
отсутствующая душа.

как скорость отменяет старость,
точнее, притворяется,
на самом деле только прячет,
еще и ухмыляется, —
так самому себе движение
никак не может быть равно:
почувствовав раздражение,
оно уже отменено.

я ненавижу это время,
которое бежит назад
в компании со всеми теми,
кто был из памяти изъят.
я ненавижу эту скорость,
с которой всё отменено:
предшествующий смысл немислим,
и стал умышлен заодно.

я ненавижу эту чуткость
к изотропии бытия,
предпочитая ей случайность,
рябь на поверхности пруда,
нечеткий звук, подобье свиста,
с которым тот автомобиль
уносит прочь антагониста,
подняв вслед за собою пыль

один тут хочет соборность по собственным правилам,
другой же готов, только уже на своих
условиях, и даже не это меня позабавило,
а то, сколько тут набралось таких

же примерно, и каждый миру открыт,
лицо сияет, ясны глаза, степенна
манера речи. многоочит
этот стоглавый собор, рухнут любые стены

перед этим нахрапом. тут главное не зевать,
прятаться под пол, бежать, куда ноги несут,

зубы сжать, молчать, таиться, скрывать,
иначе немедля спасут

выходит Псюхе на прогулку
выгулять Когито и Квалиа, да и так, развеяться.
на улице какие-то пятна неопределенного цвета,
из репродуктора доносится, нет, не то,
а рассказ из жизни геометрических фигур,
атмосферные явления являют себя в полной мере,
вообще много чего происходит в мире:
заяц гонится за лисой,
толстой идет обутый, а кант босой,
пендерецкий подрабатывает попсой,
смерть идет за всеми с косой,
да, идет, значит, Псюхе оглядывается на нее,
знает, что к чему, но сказать боится,
Когито указывает, нечего, мол, стыдиться,
Квалиа всматривается в окружающие лица,
Псюхе хотелось бы рассердиться,
нечем только, так как все разбросано по кустам,
что-то тут лежит, что-то там.
этаким образом Псюхе утверждается в том,
что делать тут совершенно нечего.
возвращается домой,
а дома-то нет.

плодоносят себе на погибель,
но еще не готовы признать,
ведь едины им быль или убыль,
волчья сыть и седьмая печать.

вырастают, готовы к компосту,
бессловесны, смиренны всегда.
облюбована ямка по росту,
будет велено – сразу туда

покойный мой друг, поэт, неприкаянная душа
(звучит чудовищно, но не знаю, как описать иначе),
косил от армии работая учителем в сельской школе
(была такая опция). разумеется, русский язык и литература.
один из учеников
совсем был, видать, никакой, но четверть надо хоть как закончить,
и друг мой ему говорит: возьми в сельской школе пушкина, выучи

что-нибудь наизусть.
и вот самарская область, сельская школьная библиотека,
и, так и представляешь себе лопоухого парня,
который находит том василия львовича
и опасного соседа выучивает чуть ли не целиком.
мой друг рассказывал это без снобизма, чувства превосходства
(если они и не были ему чужды, то уж точно не в такой
ситуации), а скорее
с веселым удивлением. эффект остранения налицо:
пушкин как бы всегда а.с., по дефолту, как выражаются ныне,
и особенно уж в сельской школе. нарушение иерархии
производит комический эффект. я смеялся, да,
но и тогда, четверть почти уж века назад,
ощущал здесь какой-то зазор между смехом и смыслом.
много позже, вспоминая об этом и много о чем еще,
я почувствовал ложность самой установки.
не наивный юный субалтерн отыскивает раритет,
по ошибке, руководствуясь квипрокво, а сами мы
запутали в расставленных вешках культурной нормы,
в указателях должного и недолжного выбора.
«пушкин хороший писатель», говорили слегка издевательски
в той же компании, где был рассказан
этот случай, говорили, чтобы пресечь споры о литературных ранжирах,
в которые то и дело готов был превратиться тост.
хотя вроде бы ясно, о ком говорилось,
инициалы вполне можно и заменить

ты заведи себе собачку,
гуляй с ней утром во дворе,
смотри на редкостную птичку,
что упорхнула в декабре

в раскрытое окно растяпы,
и вот издохнуть ей пора.
говно в пакет, обтерты лапы,
пора уж со двора.

когда они кричали таласса! таласса!
тут еще спорили, есть ли этому край,
делили неубитое мясо,
грозили пальчиком: ай-ай-ай

когда же каялся пьяный довлатов,
ему не верили, и поделом.
довольно ведь постыдно всё это,
поговорим о другом.

другое, которое с заглавной буквы,
находится за морем, так что ша!
вокруг метафорической тыквы
нечего выделять антраша.

трудной проблемы не существует.
ни чести нет, ни совести нет.
тот, кто происходящее таким образом аттестует,
также передает горячий привет

пращурам и потомкам, аборигенам
и антиподам, и всем, остающимся на берегу,
всем последующим зонам,
всем, о ком уж совсем не могу.

эпистемолог играет роль,
точнее сказать, играют его,
еще точнее – играют им,
не знаю, как сформулировать точно,
но это необходимо сказать.

также необходимо вспомнить вот это:
он среди ночи всех разбудил
криком: они замедлили время!
там у них есть для этого механизм!
и его было сложно переубедить.

(это уже не тот, а другой)

((впрочем, и это необходимо сказать))

а еще, говорят, была такая штука,
у которой не было назначенья
кроме как делать совсем иначе,
изменять всё, что в себе скрываешь,
называть безымянное именами,
да такими, что плакать только,
или в крик кричать, или что похуже,
а на что иное совсем негодна,
ни к чему полезному не приспособить.
и продать хоть можно, да себе дороже,
вроде сделка верная, а что-то мутно,
неспокойно что-то, на душе негладко.
и обронишь – тоже ведь проще простого,
вот была, а гляди, уж и нету вовсе,

потерял, наверное, по дороге,
уронил по пути, да и не заметил,
только вот после чего-то гадко,
как-то мелко все, и смысла не видно,
сам хорош себе, всем вроде доволен,
но застынешь вдруг, и сразу же тошно,
а еще, говорят, были умельцы,
наловчились подделывать эту штуку,
получалось один в один, а то и лучше,
сам не веришь, но отличить невозможно,
дашь взглянуть хоть близким, хоть посторонним,
не заметит никто никаких различий,
только вот работать она не будет,
потеряешь, и тьфу, продашь, ну и ладно,
а иметь при себе такую подделку
вроде все путём, только ноет что-то,
и свербит, и сверлит, и что поделать,
непонятно, да и людей не спросишь.
вот такое вот, говорят, бывало,
а теперь пойдёшь найди такую штуку,
как ни спросишь кого, никто не знает,
о чем речь идет, понять не может,
что за басня такая, что за сказка,
что за странная небылица

я прибыл на поезде, ехавшем в ад,
ссадили на предпоследней,
сказал мне один, чему был я не рад,
пореже таких бы соседей
на лавке встречать у метро красносе-
льская, где и так никакущие все.

а вот еще случай, все в тех же местах,
другой неотменно подходит,
про колю пустых, что в каких-то кустах,
унылую песню заводит.
не знаю я колю, пусть знаю кусты,
но немые уста мои, руки чисты.

мне тоже пришлось на таких поездах,
и я доезжал до конечной,
порой доводилось в различных кустах,
и в прачечной, и в чебуречной,
хотя как посмотришь: начинкой, бельём,
не важно, кем был, поросло все бельём.